

Светлов Валериан Яковлевич

Крымские очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В15

В15 **Валериан Яковлевич С.**
Крымские очерки / Светлов Валериан Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 284 с.

ISBN 978-5-519-85008-7

Содержание: В лунном свете; Роман; Разлука; Ночь; Плющ; Последнее прости; Забытый крест; Отрывки из записок маньяка; Встреча; Прямой путь

ISBN 978-5-519-85008-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ЛУННОМЪ СВѢТѢ

(НоктюРНЪ).

Лунный свѣтъ облилъ своимъ сіяніемъ генуэзскую башню; широкой серебряной полосой легъ онъ въ балаклавской бухтѣ у выхода въ море, и по самому морю образовалъ яркую чешуйчатую дорогу до того мѣста, гдѣ оно, серебристо-голубое, сливается съ такимъ же голубымъ небомъ. Все было облито луннымъ блескомъ, на всемъ лежали его яркіе блики; голубой свѣтъ его запленилъ игрушечный городокъ съ его миньятюрной бухтой. Это была какая-то чудная декорація изъ волшебной фее-

ріи. Безшумно скользиль, въ какомъ нибудь видимомъ для глаза уголку моря, одинокій яликъ и дробиль на тысячу кусковъ широкую лунную дорогу... И врывался одинокій яликъ чернымъ пятномъ въ этотъ серебряный дымчатый токъ, чтобы вновь совершенно изъ него вынурнуть и слиться съ необъятнымъ моремъ, какъ оно само сливается въ эту дивную ночь съ необъятнымъ небомъ. Въ воздухѣ стояла тишина... Ни звука волнъ, разбивавшихся еще вчера о скалистый берегъ, ни порыва вѣтра... Какъ будто и природа вся замерла въ эту торжественную ночь, освѣщенную кроткимъ и таинственнымъ сіяніемъ ночнаго свѣтила. Ни облачка на небѣ... Звѣзды свѣтили какимъ-то мягкимъ и ровнымъ свѣтомъ, скалы не отражались теперь въ водахъ бухты, какъ днемъ, и какъ будто отдыхали...

Все было такъ спокойно-хорошо, величаво, значительно и таинственно... Говорить не хотѣлось. Казалось,

одно слово человѣческой рѣчи, одинъ фальшивый или рѣзкій звукъ ея легъ бы тяжкимъ диссонансомъ на эту невозможно-красивую декорацію и разрушилъ бы ея очарованіе. Пѣсня здѣсь была бы у мѣста, но пѣсня заглушенная, несущаяся съ моря, которая восходила бы къ прибрежнымъ скаламъ до самыхъ генуэзскихъ развалинъ и терялась бы въ ихъ облакахъ.

— Что же это?.. сказка, мечта, или это все въ самомъ дѣлѣ существуетъ?! — въ экстатическомъ восторгѣ, съ дрожью въ голосѣ, прошепталъ человѣкъ, только что взошедшійся на отвѣсный камень у подножія башни. Онъ шелъ не одинъ; впереди его карабкалась по камнямъ, срывавшимся изъ подъ ногъ и катившимся внизъ къ морю, высокая стройная фигура въ свѣтломъ платьѣ; она шла легко и изрѣдка оборачивалась назадъ, съ усмѣшкой глядя на тяжело поднимавшагося за ней мужчину. Когда она усѣлась на-

конецъ на верхнемъ камнѣ, свѣсивъ свои маленькія ножки, высоко вознесенная надъ моремъ и озаренная сіяніемъ луны, въ свѣтломъ платьѣ, съ бѣлокурыми волосами, спускавшимися до плечъ и завивавшимися внизу кольцами—она вполнѣ гармонировала съ этою божественною ночью. Она была вся мечта, греза... Съ этими скалами, съ этимъ моремъ далеко внизу, съ этимъ таинственнымъ блескомъ луны, съ этою развалившеюся башней,—она была выхвачена изъ какой-то отдаленной саги, когда феи и ундины сидѣли на скалахъ и манили къ себѣ корабли, чтобы потомъ погубить ихъ.

«Лорелея, настоящая Лорелея!» — пронеслось въ головѣ слѣдовавшаго за нею мужчины, который теперь остановился и въ нѣмомъ восторгѣ, въ какой-то пріятно-болѣзненной истомѣ, смотрѣлъ на эту картину. «Это дивно-хорошо, — этому нѣтъ названій!» — думалъ онъ, но ничего не могъ произнести.

— Да идите же сюда, увалень этакий! — крикнула ему съ башни дѣвушка.— Или ужъ взобраться не можете?..

— Молчите! ради Бога, молчите! — прошепталъ онъ, задыхаясь...

Она съ изумленіемъ посмотрѣла на него и, невольно понизивъ голосъ, нагнувшись къ нему, зашептала:

— Что съ вами, Викторъ Павловичъ? Отчего нельзя говорить?..

— Ничего, ничего... но говорить въ эту ночь... невозможно... это такъ божественно-красиво...

Онъ смолкъ, дошелъ до камня и сѣлъ, но не рядомъ съ Лорелеей, а нѣсколько ниже, у ея ногъ, полуоборотомъ къ ней, заглядываясь на дѣвушку снизу вверхъ, — и замеръ въ нѣмомъ восторгѣ. Дѣвушка на этой скалѣ, у подножія башни; море и небо, окутанныя голубой дымкой, широкая лунная дорога, фосфорическое свѣщеніе водорослей у берега, ялики на морѣ и глубокая тишина — все это такъ шло одно къ другому,

все это было такъ неразрывно связано, что составляло вмѣстѣ прекрасную картину, полный музыкальный аккордъ, который властно ворвался въ душу Виктора Павловича, наполнилъ ее всю, заворожилъ и вытѣснилъ изъ нея все остальное, случайное и наносное... И ему казалось, что эта картина всегда жила въ его мечтахъ, въ его воображеніи; что такою онъ всегда представлялъ себѣ жизнь; что она и не можетъ быть другою, и если картина эта затерялась въ немъ, подавленная грубыми и пошлыми красками житейской дѣйствительности, то теперь она, наконецъ, представилась ему во всей своей мощи и красотѣ, чтобы ужъ больше никогда не исчезнуть... Ничего у него не осталось на душѣ, — ничего, кромѣ этого дива, кромѣ этой волшебной, мечтательной картины, которая страннымъ образомъ наполняла его душу и подымалась въ ней необыкновенно-чудной мелодіей... И вдругъ... откуда-то снизу, съ моря,

раздалась пѣсня и разлилась по морю, наполнила скалы, небо, башню и луну своими звуками, нѣжными, какъ бы полузаглушенными, но отчетливыми и ясными, какъ серебро... «На воздушномъ океанѣ, безъ руля и безъ вѣтриль, тихо плаваютъ въ туманѣ хоры стройные свѣтиль...» доносилось съ моря». «Часъ разлуки, часъ свиданья — имъ ни радость, ни печаль; имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья имъ прошедшаго не жаль... Въ день томительный несчастья, ты о нихъ лишь вспомяни, будь къ земному безъ участья и безпечна, какъ они!..»

Тихо замерла пѣсня... Послѣдній звукъ ея отзвучалъ надъ моремъ и безслѣдно куда-то исчезъ.

У подножія генуэзской башни раздались глухія рыданія. Это рыдалъ онъ, — человекъ, котораго заворожила эта лунная ночь. Онъ не могъ сдержаться, и въ страстномъ порывѣ, — въ могучемъ порывѣ, въ которомъ слышалось безъисходное горе, без-

умное счастье, радость отъ возможности жить въ такой обстановкѣ и печаль, что не вѣчно же это можетъ продолжаться,—приникъ головой къ колѣнямъ молодой дѣвушки, сидѣвшей на камнѣ, и глухо, безпомощно зарыдалъ...

— Боже, что съ вами, Викторъ Павловичъ?—Ну, развѣ такъ можно?..

Дѣвушка растерялась, не зная, что ему еще сказать. Она, было, надулась немного, когда онъ просилъ ее замолчать, но теперь убѣдилась, что на него сильно подѣйствовала природа и что тѣ, что онъ испытываетъ,—онъ испытываетъ глубоко.

— Успокойтесь, успокойтесь, голубчикъ... ну, полно же! — говорила она ему ласково и шопотомъ.

Онъ пришелъ, наконецъ, въ себя.

— Ахъ, еслибы еще! — проговорилъ онъ.

— Я знаю, кто поетъ: это одна моя хорошая знакомая, даже подруга. Хотите, я попрошу ее спѣть еще? Хотите?